

КОРОЛЕВА ЧУЖИХ ПРОКЛЯТИЙ

18+

Эвелина Морвейн

Королева чужих проклятий

«Автор»

2026

Морвейн Э.

Королева чужих проклятий / Э. Морвейн — «Автор», 2026

Каждое снятое проклятие спасает одну жизнь. И разрушает другую. Вея Таль восемь лет избавляла людей от проклятий, пока не узнала страшную правду: магия не уничтожает зло, а переносит его на невинных. Все нити ведут к королевскому престолу. Король Радан Арвель шесть лет скрывал правду о цене благополучия своего королевства. Теперь он просит Вею помочь разрушить древнее проклятие. Она должна ненавидеть его. Но сердце предательски выбирает другое. За дворцовыми стенами скрыты опасные тайны, правда о гибели её матери и имя королевы, вычеркнутое из истории. Чем ближе Вея к разгадке, тем сильнее её чувства к мужчине, чьи решения стоили жизни невинным людям. До роковой королевской клятвы осталось двадцать восемь дней. Спасти тысячи незнакомцев или сохранить жизнь мужчине, которого полюбила? Когда любовь становится самым страшным испытанием, даже правильный выбор способен разбить сердце.

© Морвейн Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Соседняя дверь	6
Глава 2. Комната без колокола	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эвелина Морвейн

Королева чужих проклятий

ЭВЕЛИНА МОРВЕЙН

Королева чужих проклятий

Фэнтези

Роман о цене милосердия

16+

2026

Морвейн Э.

Королева чужих проклятий: роман / Эвелина Морвейн. — 2026.

© Эвелина Морвейн, текст, 2026

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения правообладателя.

Все персонажи и события романа вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми случайны.

Для читателей старше 16 лет.

Аннотация

Вея Таль снимает проклятия с тех пор, как научилась отличать злое пожелание от обычной болезни. В её комнате снова начинают дышать, узнавать близких и держать инструменты. Но однажды спасённый сапожник делает первый вдох — а через улицу начинает задыхаться прачка. Вея видит нить между ними и отказывается продолжать работу.

Её вызывают во дворец. Король Радан Арвель знает, чем оплачено благополучие Ледры: шесть лет он подписывал распоряжения, которые позволяли одним выздоравливать, а других лишали здоровья и жизни. Теперь ему нужна женщина, способная проследить нити до самого основания престола.

В податных книгах вместо людей стоят номера дворов. В деле погибшей матери Веи недостаёт страниц, а человек, который их изъял, до сих пор служит королю.

Чем ближе Вея к разгадке, тем труднее ей держаться на расстоянии от человека, которого она должна обвинить. А до дня, когда король повторит перед городом старую клятву, остаётся меньше месяца.

Оглавление

Глава 1. Соседняя дверь 5

Глава 2. Комната без колокола 19

Глава 3. Книга вычеркнутых имён 32

Глава 4. Люди из второй книги 47

Глава 5. Дом на сухом берегу 65

Глава 6. То, что нельзя скрыть 83

Глава 7. Королевская милость 103

Глава 8. Имя под венцом 119

Глава 9. Последний должник 140

Глава 10. Открытые окна 154

Об авторе 168

Глава 1. Соседняя дверь

Когда сапожник перестал дышать, его жена Ольга схватила Вею за запястье и пообещала отдать ей лавку.

— Мне не нужна ваша лавка, — сказала Вея. — Отпустите руку.

На столе лежали сапоги, которые Терен не успел починить. Один он держал на коленях, когда жена заметила, что он не может вдохнуть. Теперь сапог стоял под стулом, а сам сапожник лежал на полу между мешком колодок и тазом. Нижняя губа посинела. За зубами у него скреблось что-то сухое и твёрдое, хотя во рту ничего не было.

Вея опустила рядом. Пол охлаждал колени через юбку. Она прижала два пальца к ямке над грудиной и услышала фразу, из-за которой её вызвали:

«Чтоб ты куска не проглотил».

Проклятие повторялось со скрипом и всякий раз обрывалось на последнем слове. Так проклинают сгоряча: на рынке, за семейным столом, у чужой калитки. Из сотни злых пожеланий приживалось одно, и почти всегда люди потом клялись, что ничего такого не имели в виду.

— С кем ссорился?

— С братом. Но они и раньше...

— Когда?

— Утром. Из-за наследства. Госпожа Таль, он умирает.

Вея уже доставала медную чашу. На ободке висел лицензионный узел — три чёрных шнура, стянутых серебряной пломбой. Без пломбы цех не допускал к работе, а с ней чаша собирала снятую беду и уводила её в землю. Так Вею учили. Так было записано в свидетельстве, висевшем над её собственной дверью.

Она положила узел под язык, как делала с шестнадцати лет, и подцепила ногтем край невидимой петли. Терен дёрнулся. Жена попыталась придержать ему голову.

— Не трогайте. Откройте окно.

С улицы доносились перебранка разносчиков и голос прачки Анты: та ругала сына за потерянный чулок. Пахло мокрой шерстью. Обычный день в Гончарном переулке. Люди жили здесь так тесно, что Вея знала, кто кашляет по ночам и кто подмешивает в уголь торф.

Петля поддалась. Тянуть её рывком было нельзя: вместе с пожеланием можно вырвать у человека голос. Вея осторожно наматывала чёрную нить на указательный палец, а свободной рукой держала чашу у губ сапожника. Нить казалась масляной. На ней проступало каждое слово — не буквами, а крошечными складками, похожими на следы зубов.

Терен вдохнул.

Вея опустила собранную петлю в чашу. Медь потемнела. Серебряная пломба щёлкнула, принимая плату, — и в ту же секунду через улицу закашлялась Анта.

Чёрная нить не исчезла.

Она вышла из-под пломбы, протянулась по полу, под дверью и дальше — к открытому окну прачечной. Вея видела её меньше секунды. Потом из окна на мостовую выпал мокрый чулок, и мальчик закричал:

— Мама!

Вея бросила чашу. Жена сапожника что-то говорила ей вслед — благодарила, совала деньги, звала вернуться. Терен сидел, растирая горло, и жадно глотал воздух. Вея добежала до прачечной раньше, чем он успел подняться.

Анта стояла над корытом, вцепившись в ворот рубахи. От её шеи отходила та же петля: те же складки, тот же скрип последнего слова. На губах пузырилась слюна.

— Лень, найди Иду. В приёмном доме. Скажи: Таль, удушье.

Мальчик не двигался.

— Посмотри на меня. Ида, приёмный дом. Ты знаешь, где.
Он кивнул и побежал босиком.

Вея подхватила Анту под мышки и усадила на скамью. Прачка была тяжёлая, широко-плечая. Ещё вчера она несла через переулочек два ведра и смеялась над тем, как Вея сожгла ужин. Теперь её тело не справлялось с самым простым.

Чаша с собой не была. Вея наклонилась к её уху.

— Я сниму. Только не хватай меня.

Анта схватила всё равно.

Вея подцепила петлю и перевела её на собственное запястье.

Так разрешалось поступать лишь в крайнем случае. Без чаши снятое проклятие можно было зацепить только за собственный дар — на чужую руку петля не ложилась. До следующего заката та, кто сняла беду, удерживала приказ, не давая ему исполниться; потом он вращал в ней и начинал действовать в полную силу. Ученики тренировались на мелких пожеланиях: пусть треснет ноготь, пусть пропадёт сон. Удушья Вея на себя прежде не брала.

Петля легла на кожу узкой чёрной полосой. Горло свело. Вея рванула ворот и медленно выдохнула, выпуская воздух до конца. Вдохнуть удалось лишь наполовину.

Анта закашлялась — на этот раз по-настоящему, с воздухом. Из корыта на пол натекала мыльная вода.

— Ты чего? — просипела она. — Вея, чего ты делаешь?

Вея показала на окно: воздух. Говорить пока не стоило.

Дверь распахнулась. Вбежала Ольга — на плечах сапожничья накидка. У порога она поставила чашу Веи, которую несла обеими руками, и только тогда увидела, что Анта сидит на скамье.

— Я думала, вы к нам вернётесь. Терен встал. Пить попросил, я дала. Он на ноги встал, понимаете?

Прачка смотрела на неё, всё ещё прижимая ладонь к горлу. Ольга перевела взгляд на Вею, на чёрную полосу у неё на руке, но ни о чём не спросила. Вытянула из-под накидки полотенце и принялась вытирать воду с пола.

— Оставь, — сказала Анта. — Намокнет.

— Так оно для того и есть.

— Это Терену на работу.

Анта отобрала полотенце, на краю которого чернела сапожная вакса, и протянула Ольге своё, старое. Вдвоём они собрали воду. Вея сидела на полу и считала вдохи, чтобы не упасть.

— Он сам меня выгнал, — сказала Ольга. — Говорит: поди глянь, чего Леня орёт. Лежит пластом, а распоряжается.

— Ещё бы, — ответила Анта. — Лежат они все одинаково.

Голос у неё срывался, но она всё-таки нашла силы подтронуть над Тереном. Ольга кивнула, не зная, можно ли смеяться. Заметив руку Веи, снова потянулась к чаше.

Вея помотала головой. Ей нужно было время: перенесённый приказ должен лечь на новое место, прежде чем его можно будет снять. Она считала неглубокие вдохи.

Ольга убрала руку.

— А что мне сделать?

Вея показала на приоткрытую дверь. Там уже собирались люди. Соседка спрашивала, не принести ли горячей воды, кто-то пытался заглянуть через её плечо.

Ольга вышла к ним. Было слышно, как она просит не толпиться у порога, а потом препирается с кем-то, кто непременно хочет взглянуть на Анту. Через минуту стало тише. Ольга вернулась с миской чистой воды и ничего не предлагала, пока прачка сама не попросила.

— А Терен один? — спросила Анта.

— Сосед зашёл. Я ему велела сидеть.

— Надолго хватит.

Ольва рассмеялась вместе с ней. У Анты смех перешёл в кашель. Вея помогла ей наклониться, а Ольва забрала своё полотенце и пошла проведать мужа.

Ида пришла с Леньком и учеником, который тащил сумку обеими руками. Осмотрела Анту, потом Вею и без спроса задрала ей рукав.

— Дура, — сказала она негромко. — Твой узел где?

Вея указала на чашу у порога.

— Подай, — велела Ида ученику.

Вея поймала её за локоть и покачала головой.

Ида прищурилась. Она была хирургом и терпеть не могла загадок, когда рядом кто-то задыхается.

— Отказалась? Сломалась? Скажи хоть слово.

— Перешло, — выговорила Вея. — От Терена. К ней.

За окном останавливались прохожие. Соседка принесла Анте ещё воды, увидела Вею и попятилась к двери. Их по старой памяти звали проклинательницами: народ не очень различал, кто беду насылает, а кто снимает, — и смотрели на них так же. Благодарность — на расстоянии вытянутой руки. Сегодня это расстояние стало больше.

Ида закрыла ставни.

— В приёмный дом, — сказала она. — Обоих. Сейчас.

* * *

К вечеру Вея уже могла говорить, если делала паузы. Болело там, где кожа сгибалась при движении кисти. Стоило ослабить внимание — и петля тянулась от запястья к горлу.

В приёмном доме ей отвели чулан для чистого белья. Ида настояла на этом: в общей палате лежали трое после тяжёлых снятий, а подносить к ним чашу Вея отказалась.

Пришлось отменить вечерний приём. Вея попросила ученика снять с её двери дощечку с часами работы. Тот мешкал: у двери уже ждали, один человек пришёл издалека.

— Скажи, заболела.

— А когда выздоровеете?

Она не ответила. Ученик замялся: чтобы снять дощечку, нужен был ключ, а ключ лежал в сумке возле чаши. И Вея вдруг поняла, что не может достать его сама. В этих простых движениях — достать, отдать, отменить завтрашний день — было больше правды, чем в подозрении, которое она ещё не решилась произнести.

Ида молча вынула ключ и отдала мальчику.

Всё было двадцать четыре. Принимать одна она начала в шестнадцать, комнату выкупила в восемнадцать. Каждый год меняла дощечку с часами приёма — прежнюю коробило от дождей — и каждый раз, вешая новую, чувствовала, что жизнь наконец устроена.

Теперь за стеной кашляли, а её ключ был в руках чужого мальчишки. Вея прижала распухшее запястье к животу, стараясь не задеть полосу. Ей отчаянно хотелось, чтобы дело было только в ней самой: в плохом узле, в усталости, в нескольких бессонных ночах. Такое можно исправить, никому ничего не объясняя.

Чаша стояла на табурете. Серебряная пломба выглядела совершенно обычной: номер пеха и маленькая корона.

— Ты уверена? — спросила Ида.

Ида спрашивала это уже в третий раз, но Вея не сердилась. Ей и самой хотелось, чтобы ответ изменился.

— Я сняла формулу с одного человека. Через улицу та же формула села на другого. Между ними была нить.

— Ты работаешь восемь лет. Почему раньше не видела?

— Не знаю.

Ида вытащила из сумки огрызок карандаша, обмотанный ниткой, чтобы не раскололся.
— Кто был у тебя на этой неделе?

Они составили список. Мельникова дочь с вывернутыми пальцами. Ученик каменщика, переставший различать лица. Старик с кашлем, не утихавшим ни днём, ни ночью. Четверо младенцев с беспокойным сном — этих Ида сразу вычеркнула: проклятий у младенцев Вея не нашла, только посоветовала отвар и тёплую пелёнку.

— Пальцы, — сказала Ида.

— Что?

— Вчера на Соляной улице мальчику так же скрючило пальцы. Мать решила, что он попал рукой под телегу и скрыл.

— Он здесь?

— Отправила домой. У них неподалёку.

Вея попросила вернуть его. Ида послала ученицу и предупредила: ребёнка силой не тащить и ничего не обещать. Потом они ждали в чулане, а за окном кто-то колотил молотком по железу.

Мальчика привели за руку. На нём была школьная куртка с рукавами не по росту. Большую кисть он прятал за спиной, и Вея сперва решила, что он стесняется. Но когда мать попросила показать, он поднял руку с явным облегчением: держать её так было труднее, чем прятать.

— Это Сева, — сказала мать. — А я Мирра. У него со вчерашнего дня пальцы такие. Я думала, он врёт, что не падал.

Ида подтянула к нему табурет.

— Можно я посмотрю?

Мальчик кивнул. Пальцы стянуло к ладони, один налез на другой. Вея сразу увидела тонкий чёрный след между суставами. Он вился так же, как вчера на руке мельниковой дочери, — с маленькой петлёй у основания мизинца. Вея запомнила эту петлю: снятие тогда затянулось, она дважды выскальзывала между пальцами.

— Это она сделала? — спросила Мирра, заметив её взгляд.

— Я снимала такое проклятие вчера. С другого человека.

Мать повернулась к Иде.

— А при чём здесь мой сын?

Ида положила кисть мальчика на чистое полотенце.

— Мы пытаемся выяснить.

— Вы же видите, что пальцы кривые. Чего выяснять?

Мирра встала перед сыном, заслоняя его от Веи. Вея опустила руки.

— Вчера девушка попросила меня помочь. Я сняла с неё проклятие и положила в эту чашу. Мне говорили, что оно после этого исчезает. Сегодня я увидела, что оно переходит к другому человеку.

— К моему?

— Похоже на то.

Мирра опустилась рядом с Севой. Он старался не смотреть на мать и разглядывал стену за плечом Веи — там торчал крючок для лампы.

— Тебе кто сказал, что оно исчезает?

— В цехе. Так учили всех, кто снимает проклятия.

— А проверить нельзя было?

Вея хотела объяснить, что прежде нить всегда исчезала под пломбой и что сегодня она впервые увидела, куда та ведёт. Но мать спрашивала не о том, почему она не могла увидеть. Мать спрашивала, почему она не проверила.

— Я не проверила, — сказала она.

Мирра держала сына за руку, пока Ида прокладывала тонкие полоски ткани между его пальцами. Совсем распрямить их не удалось, а силой Ида не стала. Сева терпел, вцепившись здоровой рукой в край табурета.

— Ты пискни, если больно, — попросила Ида.

— Мама тогда услышит.

— Мама и так здесь.

— Она ночью не спала, я слышал. Она думает, я сплю, а я не сплю. Сейчас опять не уснёт.

Мирра отвернулась — поискать в сумке платок. Ида сделала вид, что проверяет воду. Вея смотрела на мальчика. Он уже умел беречь мать от того, что сам не должен был терпеть.

— В школу можно? — спросил он, когда повязку закрепили.

— Сегодня домой. Завтра посмотрим, — сказала Ида.

— А писать как?

— Другой рукой. Или рассказывать учителю, если он согласится слушать.

— Он не согласится.

— Тогда пришлём ему записку.

Ида вырвала лист из книжки и спросила, как зовут учителя. Сева назвал имя и тут же добавил, что тот не любит, когда за учеников вступаются родители. Говорил он деловито, словно больная рука уже стала частью нового порядка и осталось уладить несколько неприятных мелочей.

Пока Ида писала, Мирра посмотрела на чашу.

— А если ей снять это опять? Она уже умеет.

— Умеет, — сказала Ида. — Но есть риск, что тогда пострадает ещё кто-то.

— Вчера-то она рискнула. Ради мельниковой дочери.

Вея опустила глаза. Сева попытался шевельнуть мизинцем под повязкой.

— На себе я могу задержать только одно проклятие и только до заката. Антино уже на мне.

— А потом?

— Потом попробую найти способ, который не передаст его дальше. Если не найду, скажу прямо.

Мирра молчала. Она привела сына за помощью, а получила повязку и обещание искать. Благодарить Вею ей было не за что.

— Где вас искать? — спросила она наконец.

— Приёмный дом. Ида знает, где я.

Сева посмотрел на Веину руку. Чёрная полоса выглядывала из-под рукава, и Вея не успела её прикрыть.

— Это тоже болит?

— Да.

— Тогда вы не берите моё, пока болит.

Вея пообещала, что без его разрешения не возьмёт. Мальчик поправил куртку здоровой рукой. Мать спрятала записку для учителя поглубже в карман, чтобы не потерялась.

Когда они ушли, Вея спросила Иду, сможет ли мальчик писать, если пальцы останутся такими. Ида ответила, что левой рукой научиться можно, если суставы не изменятся слишком сильно. И спросила, говорить ли это Мирре сегодня.

— Говорить, — ответила Вея. — Но не вместо того, что мы будем искать.

Ида кивнула и послала ученицу догнать мать с мальчиком. Обещать ученице, что всё скоро наладится, она не стала. Вея это заметила и запомнила.

Ида отложила карандаш. В чулане пахло горячим мылом. За стеной другая ученица спорила с больным, который не желал показывать нарыв женщине.

— А до этой недели? — спросила Вея. — Кто платил за тех, кто был раньше?

— Раньше я не считала твоих больных.

Ида села на сундук и упёрлась локтями в колени. Руки у неё были красные, с жёлтыми пятнами лекарства у ногтей. Вея знала эти руки с детства. Они держали её голову над тазом, когда она болела. Они застёгивали ворот погребального платья её матери.

— Скажи, что я ошиблась.

— Хотела бы.

Вея поднесла чашу к свету. Маленькая корона на пломбе стёрлась от большого пальца. У матери была такая же: всем выдавали одинаковые, и раз в год цех проверял пломбы, заодно собирая пошлину.

— Если это происходит со всеми снятиями...

Она не договорила. Числа не складывались в мысль. Восемь лет, по несколько пациентов в день. Иногда целые семьи, когда проклятие цеплялось за общий стол. Вея помнила людей, уходивших из её комнаты на своих ногах. Тех, на кого падала их беда, она не знала вовсе.

Из коридора донеслось имя Анты. Прачка ругалась с учеником: требовала отпустить её домой, потому что бельё закиснет, а заказчик оправданий слушать не станет. Голос был слабый, но уже сердитый.

Вея поставила чашу обратно.

— Ей скажешь?

— Сама скажи, — ответила Ида. — Только сначала решим, как ты доживёшь до завтра.

* * *

Цеховой смотритель явился до заката. Принёс свидетельство, запечатанное коричневым воском, и потребовал удалить из комнаты посторонних. Ида осталась сидеть.

— Госпожа Таль задержала на себе действующую формулу, — начал он. — Предписывается немедленно завершить снятие обычным порядком.

— Куда? — спросила Вея.

— Простите?

— Куда уходит то, что мы кладем в чашу?

Смотритель покосился на Иду. Та подцепила ногтем нитку на карандаше и промолчала.

— Вам прекрасно известен учебный курс. Остаток рассеивается в царском основании.

— Как зовут основание?

Он убрал свидетельство за пазуху.

— Вы нездоровы.

— Соляная улица, дом семь. Мальчик с пальцами. Гончарный переулок, прачечная Анты Ро. Проверьте книги поступлений. Или не стоит — вы ведь и пришли так быстро потому, что проверять нечего.

Смотритель оказался моложе, чем казался с порога. Под аккуратной бородкой дёрнулась щека.

— Возвращённая в чашу формула вас не убьёт, — сказал он тише.

— Меня — нет. А кого?

Он не ответил.

Ида поднялась с сундука.

— Вон из моей больницы.

— Это цеховое дело.

— Она моя пациентка. Хотите увести — принесите приказ с королевской печатью.

После его ухода Вея долго смотрела на дверь.

— Он знал.

— Да.

— А ты?

Ида отложила карандаш.

— Я знала, что в городе есть улицы, где болеют чаще. Знала, что цеховые врачи туда не ходят. И принимала тех, кто мог дойти сам. Нити я не видела, Вея.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Разговор оборвал скрип колёс. У приёмного дома остановилась закрытая карета. Гербов на дверцах не было, но лошади были покрыты королевскими попонами.

Вея сразу поняла, кто добыл приказ.

Чёрная полоса на запястье начала подниматься выше.

* * *

Женщина в дорожном плаще предъявила Иде бумагу. Нос у неё когда-то был сломан, а левая перчатка протёрлась на месте обручального кольца. Военных Вея прежде видела лишь мельком, когда лечила их семьи; эта женщина не походила на человека, которому нравится стоять у чужих дверей.

— Капитан Хесс. По распоряжению его величества.

— Я не отдам чашу, — сказала Вея.

— В распоряжении о чаше не сказано.

— И в цех не поеду.

— Мы едем во дворец.

Ида перечитала приказ.

— Ей нужен присмотр.

— Возьмите всё необходимое.

Капитан говорила так, что спорить о каждой следующей мелочи приходилось уже на ходу. Вея завернула чашу в полотенце, забрала список пациентов и перед уходом зашла к Анте.

Та сидела на краю постели. Лень спал у неё на коленях, поджав под себя чёрные от мостовой ступни.

Вея рассказала всё. Слова давались с трудом, и не только из-за петли. Анта слушала, глядя на сына. Когда Вея закончила, прачка спросила:

— Ты знала, когда делала?

— Нет.

— Теперь знаешь. Больше так не делай.

Ни прощения, ни проклятия. Только выйдя за дверь, Вея поняла, что ждала прощения.

В карете Хесс села напротив. Дорога шла в гору, от речных кварталов к дворцовой стене. За стёклами мелькали булочные, ворота мастерских, люди с вечерними покупками. На повороте открылась площадь Основания: служители размечали её под праздничные навесы. Через четыре недели король должен был подтвердить перед городом старую клятву.

— Сколько у него проклинателей? — спросила Вея.

Хесс оторвала взгляд от окна.

— До сегодняшнего дня он не звал ни одной.

— Тогда зачем я ему?

— Узнаете у него.

Вея ненавидела этот ответ: он мог означать что угодно.

Их провели не парадной лестницей, а через кухонный двор. В тёплом проходе мужчина чистил рыбу. Серебристая чешуйка прилипла к рукаву Хесс, и та машинально стряхнула её, уже открывая маленькую дверь.

Комната за дверью была почти пуста: стол, два стула, кувшин для умывания. На стене — светлый прямоугольник от снятой картины. Король сидел у окна, расстегнув ворот рубашки.

Вея не сразу узнала его по монетам. На монетах у Радана Арвеля был правильный подбородок и спокойный взгляд. Здесь лицо казалось измождённым, мокрые после умывания волосы лежали неровно. На шее, под ключицей, темнел узел из десятков переплетённых нитей.

Все они уходили вниз — сквозь кожу, сквозь пол, к чему-то под дворцом.

— Покажите руку, — сказал он.

Вея осталась возле двери.

— Сначала скажите, на кого вы хотите это перевести.

Хесс сделала едва заметное движение, но король поднял ладонь.

— Значит, вы действительно увидели.

Он встал. Одну руку держал у края стола — не опираясь, но готовый опереться. Вея смотрела на нити. Их было куда больше, чем ей показалось сначала.

— Я хочу, чтобы вы нашли конец, — сказал Радан. — До того, как мне придётся снова их завязать.

Глава 2. Комната без колокола

Первым делом Вея поискала в комнате колокольчик. Шнурка у стола не было, на стене тоже. Окно выходило в глухой двор с единственной дверью. Король перехватил её взгляд.

— Здесь можно говорить без секретаря.

— А позвать на помощь?

Радан посмотрел на Хесс.

— Дверь останется открытой.

Капитан вышла в коридор. Ида подвинула Вее второй стул, сама осталась стоять и без всякого почтения поставила врачебную сумку на стол. Вея села. Ей стоило всё больших усилий не чесать почерневшую кожу.

— Сколько у вас времени? — спросил король.

— До заката.

Солнце ещё лежало на подоконнике. По дороге во дворец Вея старалась не считать, сколько осталось.

— Вы можете назначить через чашу себя, — сказала она. — Если сами предложите. Просить я не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.